

Дина Рубина: Я пишу потому, что у меня такая походка

Веч. вып. - 1997. - 7 абт. - с. 17

Дина Рубина дебютировала в 16 лет в журнале "Юность. Сегодня она — автор 8 книг, переведенных на 12 языков. Ее имя включено в Большую Британскую и Российскую Еврейскую энциклопедии.

С 1990 года Дина Рубина живет в Иерусалиме.

— Дина, я ваша давняя поклонница, но давайте сегодня сначала просто поговорим о жизни, например, о вашей жизни в Израиле.

— Как я живу? Это зависит в основном от состояния моего банковского счета. Нигде человеческое настроение так не зависит от банковского счета, как в странах Запада. Эта та самая обратная сторона свободы, о которой мы не думали, когда ехали сюда. На встречах с читателями у меня часто спрашивают, испытываю ли я ностальгию. Обычно я отшучиваюсь: есть деньги — нет ностальгии, нет денег — стра-а-ашная ностальгия.

— Разве писательский труд не дает возможность безбедно существовать?

— Так было раньше, в Советском Союзе: писатель писал книги и жил на это. Жизнь в Израиле с этим совершенно не связана. В моей израильской жизни был период, когда утром я заседала на каком-то заседании, что-то типа круглого стола, посвященного взаимосвязи культуры, а вечером мыла у кого-то квартиру.

— Но вы где-нибудь работаете?

— Моя работа — это мои дети. У меня двое детей, сын служит в Армии обороны Израиля, дочь учится в школе. Это, если можно так выразиться, полставки. Вторые полставки: я — жена художника. А понять художника так тяжело, что это под силу только... писателю. Так мы и живем, понимая друг друга, хотя на самом деле это невыносимое сожительство. Мой муж — очень мягкий человек, и он мою стержневость как-то микширует. Плюс ко всему я вынуждена зарабатывать деньги, поскольку литературой деньги не заработаешь. Я работаю в Доме культуры, приглашаю людей, готовлю культурную программу для божих одуванчиков — старичков из России. Они меня очень любят. Например, я заказываю концерты классической музыки, что-нибудь неумолимое: полонез Огинского, "Турецкий марш" Моцарта. Как говорится, спасибо то-

варищу Моцарту за нашу счастливую старость. А что касается литературного творчества... Писать нужно всегда, это банальная истина. Это мой цвет кожи, волос, манера двигаться. Я пишу, потому что у меня такая походка.

— Вы в Израиле больше шести лет. Что написано за эти годы?

— Здесь я написала большую повесть "На вратах твоих", которая была напечатана в "Новом мире" в 1994 году. Потом написала еще одну повесть "Камера наезжает", а также роман и рассказы. Писательство — процесс физиологический: что созрело, то созрело.

— Как-то вы сказали, что в еврейской душе нет никакой загадки. Как вы относитесь к евреям после того, что прожили в Израиле шесть с лишним лет?

— Это очень сложный вопрос. Я все время отшучиваюсь, когда говорю о чем-то важном: о своих детях, родителях. Последнее время мне кажется, что я вообще не могу говорить ни о чем серьезно, разве что писать. Мой последний роман "Вот идет Мессия!.." посвящен моим взаимоотношениям со своим народом. Мне трудно говорить об этих взаимоотношениях, все это сложно и глубоко интимно. Только очень мужественный человек может выдержать очную ставку со своим народом. Немногом это удастся. У Пушкина есть такое высказывание (за точность цитаты не ручаюсь): "Мы можем без конца ругать свою Отчизну, но как нас это раздражает в устах иностранцев!" Я болезненно люблю свой народ, болезненно, и поэтому меня в нем многое не устраивает. Евреи — жестокий народ. Бог выбрал этот народ не потому, что он очень хороший, а потому что он чудовищно жестоковиден.

— А как бы вы определили свою сущность?

— Я — женщина до мозга костей: люблю хорошо выглядеть, красиво одеваться. А еще я страшно люблю комплименты, причем в большей степени

моей внешности, чем произведением. Когда-то я была хороша собой... Недавно мне позвонил один писатель, Михаил Винокур, и сказал, что ему очень понравился мой роман "Вот идет Мессия!..", и еще он сказал, что у меня неожидан мужской взгляд на вещи. Мы с ним немного поговорили, а потом он предложил: "А теперь поговорим красиво."

— Я тоже не против — поговорим красиво. Вы сентиментальны?

— Как писатель я не сентиментальна. Но я страшно, до слез сентиментальный читатель и чудовищно сентиментальный зритель — я частенько плачу. По-видимому, какое-то внутреннее сопротивление этому качеству дает такую отмашку: в своих произведениях эту пружину я пережимаю, перекрываю кислород своей сентиментальности и даю крен в другую сторону.

— Интересный портрет Дины Рубиной у нас с вами получается: сентиментальна, стержовна, порой помужски сурова. Кстати, коллеги из израильских газет предупреждали меня, что мне нелегко будет с вами общаться. Вы неохотно встречаетесь с журналистами?

— Я всегда смущаюсь, когда должна что-то сказать. Мне, как правило, нечего сказать ни встречному человеку, ни читателю. А то, что есть сказать, преобразуется в какие-то совершенно дикие художественные образы. Для жизни у меня остается исключительная нормальность. Я человек, любящий нормальность во всех проявлениях. Терпеть не могу чудачек, предпочитаю иметь дело с абсолютно нормальными людьми.

— И часто встречаете нормальных людей среди творческой интеллигенции?

— Вот, например, Игорь Губерман — совершенно нормальный человек. Мы познакомились здесь и очень подружились. Игорь — необыкновенный человек с каким-то фантастическим чувством юмора. Как-

то на литературном семинаре, организованном Союзом писателей Израиля, одна поэтесса, специализирующаяся, в основном, на эротических темах, подарила нам свою новую книжку, в ее названии было что-то связанное с оргазмом. Так в этой книжке, как говорится, фаллос на фаллосе сидел и фаллосом погонял. Утром сидим мы за завтраком, Игорь Губерман подходит к нашему столу и, постукивая ногтем по этой книжке, говорит: "Это будет сильнее "Фалоста" Гете".

— Что вы пишете сейчас, в свободное от общения с "божьими одуванчиками" время?

— Сейчас пишу большую вещь на материале израильской жизни, еще не знаю, как она будет называться. Еще работаю над большим романом о прошлой ташкентской жизни, о судьбе одной художницы.

— Можно купить ваши книги в Москве?

— Теперь возможно. Недавно в издательстве "Остожье" вышла книга "Вот идет Мессия!..", в ближайшие месяцы выйдет книга "Ангел-хранитель, ангел конвойный", ее издает франкфуртский издатель Леонид Меджибовский, там будет три повести и несколько рассказов, кроме того, готовится к выпуску сборник рассказов "Двойная фамилия".

— Не логичнее ли издавать ваши книги в России, где ваших читателей миллионы?

— Читателей больше, да денег меньше. Я езжу по странам и продаю свои книги. Это мой хлеб и хлеб моих детей. Но конечно мне хочется, чтобы меня читали в России, поэтому иду на убыток и позволяю издавать мои книги у вас.

— Я слышала, что вы не любите заключать договора с издателями, пока вещь не закончена, из-за боязни, что потеряете интерес к создаваемому произведению. У вас много незаконченных вещей?

— Мало. Вообще, я — пунктуальный человек, я родилась под созвездием Девы. Но у меня есть недостаток — плохая память на лица. Как-то в Иерусалиме я встретила своего мужа и подумала: "Где-то я видела этого человека..."

— Из ваших периодов жизни в Ташкенте, Москве и Иерусалиме — какой самый счастливый?

— Самый счастливый для меня — сегодняшний день и чуть-чуть завтрашнее утро, такой перекат из сегодня в завтра. Я — человек, который патологически забывает прошлое, возможно, потому что я его отрабатываю в своих вещах. Может, будучи беззубой старушкой, пуская слюны на вязаный носок, я буду умиленно вспоминать свои молодые годы. А пока я устремлена в день завтрашний. Мне до сих пор кажется, что я очень молода, что мне 14 лет и что завтра будет все лучше, лучше и лучше. Иногда я вдруг останавливаюсь и вспоминаю, что я уже очень немолодой человек. И понимаю, что в принципе завтра не будет никогда, что пора тушить свет. И все равно душа устремлена в какое-то несуществующее, безумное, никогда не наступающее завтра.

— Может это и хорошо?

— Не знаю, я ни в чем не уверена...